

НЕБЫВАЛЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. (Публикуется впервые с 1917 года).

Подготовка текста—L.K.-PH (<http://www.lk-ph.com>).

[Из воспоминаний одного моего знакомого].

В тот святочный вечер жена моя с детьми отправилась к “своим” на Васильевский остров. Я оставался один дома. После обеда я читал газету, потом написал два-три деловых письма. Когда я посмотрел на стенные часы, стрелка их приближалась к IX. Мне вздумалось пройтись по улицам, по-толкаться в праздничной толпе, подышать морозным воздухом. Уходя, я сказал при-слуге, чтобы без меня затопили камин и приготовили чай. Швейцар Иван, получивший “праздничные”, энергичнее обыкновенного распахнул передо мною дверь подъ-езда...

Снег искрился на земле, звёзды искри-лись на небе, и бледный месяц стоял вы-соко... Я с удовольствием прошёлся по Нев-скому и полюбовался мимоходом на Казанский собор; одна колоннада его на то время была ярко озарена серебристым месячным сиянием, а другая была задёрнута синева-той, полупрозрачной дымкой зимней ночи. Мо-розная мгла стояла в воздухе... Пешеходы, плохо одетые, бежали чуть не бегом, то при-крывая лоб, то потирая уши. Было градусов 16, если не более.

Уже на возвратном пути, идя по Нико-лаевской улице, я встретил оборванца, каких немало в Петербурге. Он стоял, почти прижавшись к стене дома, и его жал-кая,

обтрёпанная фигура тёмным пятном резко обрисовывалась на желтовато-грязном фоне стены. На нём была фуражка с истрескавшимся козырьком, рваный сюртучишка весь в дырах, едва застёгнутый на две пуговицы, брюки, очевидно, бывшие ему не в пору, длинные и широкие, а на ногах—женские кожаные башмаки. Из дыр на сюртуке там и сям торчала грязная ситцевая рубаха. Месяц ярко освещал его всего и наводил бледные, матовые блики на его страшное худощавое, посиневшее от холода лицо. Бедняга переступал с ноги на ногу, дрожал и ёжился, придерживая одной рукой на груди расхолодившийся сюртук. При виде его посиневших губ и белых зубов, стучавших, как в лихорадке, мне самому вчуже стало холодно, и я как-то невольно поплотнее закутался в свою шубу. Нищий в ту минуту, молча, протянул ко мне руку и с отчаянием, как мне показалось, посмотрел на меня.

Вообще, признаться, я не люблю нищих и всяких оборванцев: они производят на меня очень тяжёлое впечатление. Я всегда по возможности стараюсь не слушать их жалобных причитаний и поскорее отделяюсь от них с помощью какой-нибудь мелкой монеты. Нищие мне расстраивают нервы... Конечно, я—не прочь иногда подать им милостыню, но в то же время думаю, что современному государству следовало бы позаботиться о том, чтобы на улицах не появлялись эти печальные напоминания о несовершенстве нашей цивилизации. Они своим несчастным видом неприятно мозолят глаза почтенным гражданам. Отвести бы им на окраине города какой-нибудь квартал, что ли, вон как делалось для жидов в средние века или как и поныне делается на Востоке для прокажённых.

Я запустил руку в боковой карман, где, обыкновенно, храню свое портмоне, но на этот раз, кроме трёхрублевой ассигнации, в портмоне ничего не оказалось. Заходить куда-нибудь в магазин—менять деньги мне не хотелось, я спешил домой, мороз уже начинал чувствительно пощипывать мне лицо. Отдать нищему трёхрублевку было бы уж слишком щедро, до глупости щедро. Я—человек не злой, мне было жаль этого оборванца,—и случись у меня на ту пору в портмоне пятиалтынный, я, право, отдал бы ему (хотя более пятака нищим не даю). Я положил портмоне на место и пошёл вперёд. Я слышал, как нищий сделал за мной шаг-два-три и остановился. Я оглянулся на ходу и к моему душевному облегчению увидел, что какая-то старушонка подавала нищему, и тот, дрожа и ёжась, кланялся ей вслед и бормотал свои благословенья. Ну, и ладно! Не остался, значит, без подачки...

Дома я выпил стакан пунша и согрелся прекрасно. Сухие сосновые дрова ярко горели в камине. Я сел за свой письменный стол, приказал подать себе ещё чаю и отпустил прислугу спать... Мне захотелось устроить маленькую жёнку; я положил ложку на стакан, в ложку опустил кусок сахара, облил ромом и зажёг. Синеватое пламя взвилось над стаканом. Я откинул голову на мягкую спинку кресла, протянул ноги и стал

благодумствовать. Я думал о том, как был счастлив для меня истекший год: я, наконец, получил давно же-ланное “место” с месячным окладом в 400 руб.,—с наградными выйдет более 5 тыс. Это, конечно, очень хорошо... Я надеялся, что через год правленьё прибавит мне ещё рублей 1,000. А уж это будет ещё луч-ше... Детки мои подрастают, жена здорова... и всё прекрасно!

От усталости или от выпитого пунша, или от быстрого перехода с мороза в тёп-лую комнатную температуру, я стал слег-ка подрёмывать, смотря на голубое пламя, ко-лыхавшееся над стаканом. Я смутно слы-шал, как в зале часы били полночь, но не успел ещё бой часов замереть в воз-духе, как в передней раздался звон ко-локольчика, но какой-то странный звон, робкий, отрывистый. Я слышал, как кто-то отпирал дверь; потом я услышал в перед-ней шмыганье ног... и, к величайшему мо-ему изумлению и испугу, в кабинет вошёл тот самый оборванец, который незадолго перед тем на улице, молча, просил у ме-ня милостыню. Я, решительно, был поражён... Каким образом он мог проскользнуть незамеченным мимо швейцара? Как он нашёл мою квартиру? И как же это при-слуга без доклада пропустила его ко мне?.. Нищий взял легкий венский стул, стоявший у стены, тихо придвинул его к моему письменному столу и сел прямо против меня. Теперь мы очутились с ним лицом к ли-цу, нас разделял только неширокий пись-менный стол, уставленный всякими безделушками. Он не снял фуражку и, сидя, сохранял свою прежнюю жалкую, угнетённую позу: приподнимал плечи, корчился и ёжил-ся, как бы от холода. Лицо его было чрез-вычайно бледно; впрочем, может быть, оно мне показалось таким от пуншевого пла-мени, всё ещё поднимавшегося над стаканом.

—Ты живёшь хорошо!—глухим голосом заговорил он, потирая свои красные, окоченевшие руки и оглядывая мой кабинет.—Очень хорошо... Да!.. А трёх рублей ты пожалел для меня?

—Да! Пожалел...—признался я, неволь-но подаваясь какой-то глупой откровен-ности.

—А правда ли, что нынче на святках ты в один вечер прокутил с приятеля-ми 60 руб. и 5 руб. бросил лакею, пода-вавшему тебе шубу?—спросил нищий.

—Да!—пролепетал я.

—Помнишь ли, когда ты был на школь-ной скамье, один раз у тебя в кармане оставался четвертак,—и ты из него отдал 20 коп. голодному товарищу?

—Ах, да, помню... как же!

И я почувствовал, как при этом воспо-минании у меня покраснели не только щеки, но и уши...

—Ты постарел!—с неприятною улыб-кой промолвил оборванец, пристально посмотрев мне в глаза.

—Да! Борода уж совсем поседела...—заметил я, поглаживая бороду. Я не об этой старости говорю!—перебил меня собеседник.—Ещё не велика бе-да, что борода твоя седа, да на лбу морщи-ны... Я говорю о том, что ты сердцем состарился, стал чёрств, жесток, людские страдания тебя уже не трогают, как преж-де, ближними стали для тебя только жена и дети, ты “отошёл” от людей... Свою преж-нюю “правду”, свои прежние заветные думы ты теперь ногами топчешь... Вот о какой старости я говорю!

Сначала мне показались обидны эти грубые речи: мои знакомые так никогда не го-ворят... но вдруг при виде впалой груди незнакомца и его страдальческого лица мне стало так совестно и неприятно, что я, не говоря ни слова, вынул из портмоне свою трёхрублевку и подал её через стол со-беседнику.

—Не надо! Оставь её у себя...—промол-вил нищий.—Сегодня вечером на улице, кутаясь в свою дорогую шубу, ты не признал меня своим ближним, потому что я дрожал и трясся от холода в драном сюртучишке... Ты счёл меня за тварь совсем другой, низшей породы и оценил ме-ня в 5 копеек. Не так ли это было? Я тебе показался гадок, мерзок, отвратителен в этой рваной одежде... Ты, может быть, думаешь, что я и в мир-то явился в этой рвани—только для того, чтобы голодать и корчиться да ёжиться от стужи! Не всегда я ходил в такой рвани... Да! Ты видишь эти всклокоченные пряди волос... Послу-шай! Я расскажу тебе повесть... Я так же, как и ты, был когда-то маленьким мальчиком. У меня, как и у тебя, была мать... Она меня любила, я был дорог ей. Она одевала меня в чистую рубашечку, берегла меня... Она расчёсывала и приглаживала эти самые всклокоченные волосы, она не раз плакала над ними,—она целовала мою го-лову,

ласкала меня... Слезы её уже давно вы-сохли. Она умерла... И если бы она узнала, что ты сегодня пожалел несколько рублей для того, чтобы спасти меня, уличного бродягу-оборванца, её милого сыночка...

Собеседник мой тяжело вздохнул.

—Ты понимаешь, что я хочу сказать тебе!..

Мне казалось, что я понимаю, и кивнул ему головой. Мне стало так больно, так жутко, что я попросил его—не продолжать его повесть... Мне вдруг сдавило горло, и слёзы набежали на глаза; я зажмурился и закрыл лицо руками, чтобы не видеть собеседника. Он, положительно, становился для меня страшен, хотя в наружности его уж вовсе не было ничего ужасного...

—Ты, конечно, слышал и сам читал, что люди—братья...—заговорил нищий.—Эти слова ты продумал умом и признаешь их истиной, но сердцем ты не прочувствовал их, они не вошли в твою плоть и кровь,—и оттого на деле выходит совсем не то... Оттого-то ты и не помог сегодня мне. В уме ты считаешь меня братом, а на деле я для тебя не только “чужой”, но как будто животное другой породы, только обличьем похожее на человека...

—Я видел, что какая-то старушка по-дала тебе—заметил я нищему.

—Да... подала копейку! Она сама бед-ная...—тихо промолвил он.

Я опять протянул ему свою несчастную ассигнацию.

—Мне теперь не надо...—сказал мой собеседник. —Завтра меня уж не будет на свете, завтра одним оборванцем в мире станет меньше!

—Что ж ты хочешь сделать?—спросил я, весь вздрогнув.

—Я уйду куда-нибудь подальше, при-корну к забору, засну и умру...—спокойно проговорил нищий.

Тут я ощутил, что во мне пробудились прежние, юные, светлые чувства—любовь и сострадание к людям; точно, тёмная повяз-ка спала с моих глаз... Я скомкал в руке ассигнацию,—и какую же грязною, гнус-ною показалась она мне в ту минуту!

—Не умирай, брат!—вскричал я в сильном волнении, протягивая к нему руки и как бы желая удержать его.—Не уходи! останься!..

В то время в ящике моего письменного стола было около 500 руб. Теперь я отдал бы их ему, отдал бы с радостью и был бы счастлив, и было бы мне легко, и стало бы светло у меня на душе,—так светло, как уж давно не бывало... Но самое ужас-ное, самое трагическое в моём положении заключалось в том, что нищий у меня ни-чего не брал.

—Умереть-то ничего... Все умирают!— тихо говорил мой собеседник.—Наступит когда-нибудь такой день, взойдёт солнце, а ты не раскроешь глаз и будешь лежать холоден и неподвижен... Днём раньше, днём позже—всем один конец... А вот, уми-рать заживо—худо...

—Это всё так... но постой!—вскричал я.—Ведь все люди имеют...

—Имеют право на жизнь?—с усмеш-кой перебил меня нищий.—Я это знаю... Ты ещё недавно в какой-то книге читал эту фразу и теперь захотел повторить её... Ска-жи мне лучше: зачем ты живёшь?

При таком неожиданном вопросе я, по привычке, приложил палец к губам и задумался. Вместо живого ответа полезли мне в голову мертвые фразы из старых прописей, по

которым я учился чистописанию: “Человек живёт для того, чтобы быть полезным... Каждый человек должен в жизни исполнять свою обязанность...” Каж-дый такой ответ уже сам по себе возбуждал вопрос: “А полезен ли ты? Исполниешь ли ты свою обязанность?” И что это за обязанности? Для кого и для чего они нуж-ны? Кто обязал тебя ими и т. д. до бесконечности.

—Я скажу: для чего ты живешь...—промолвил нищий, грустно посмотрев на меня. Ты наживаешь деньги для того, чтобы их прожить, а проживаешь их для того, чтобы иметь возможность наживать... Значит, ты живешь для рубля! А пока ты снуёшь и ко-лотишься в жизни, думая лишь о минуте, могильные черви уже дожидаются тебя...

Я вздрогнул. В ту минуту мне показа-лось, что из камина, вместо тепла, повеяло на меня ледяным холодом. На мгновенье я обернулся к камину и совершенно не заметил, как мой собеседник вышел из кабинета. Стул стоял уже пустой...

—Зачем ты не ложишься? Ну, удобно ли так спать—на столе!—раздался знако-мый голос.

Я поднял голову. Жена наклонилась надо мной, положив мне руку на плечо. Глаза её блестели, щеки пылали румянцем, ду-хами *Violette de Parme* и морозным воздухом веяло от неё. Я смотрел на неё с испугом... При виде её здоровьем и весельем пышущего лица мне вдруг отчего- то стало грустно. Голова моя слегка кружи-лась, сердце болезненно сжималось,—и я испытывал такое тягостное, мучительное ощущение, как будто стоял на краю какой-то бездонной, зияющей пропасти и заглядывал в бесконечную пустоту... Лёгкий венский стул, конечно, оказался на своём месте, у стены, портмоне—в кармане и никаких следов полуночного посетителя. Ну, разумеется, всё это был сон...

Дня через два после того я прочитал в газете—в хронике городских происшествий,—что где-то, кажется, за Нарвской за-ставой, у забора “был усмотрен замёрзшим неизвестный человек”. Я уж, пра-во, не знаю: *он* ли это или какой-нибудь другой несчастливец...

Всё это я очень хорошо помню... В тот вечер у Сабановых мы ещё играли в винт. Везло ужасно.

Засодимский (Вологдин) П.В. (1834-1912). Русский писатель.